

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-61-71>

К вопросу о презумпции невиновности в российском публичном праве: взгляд конституционалиста

Павел Александрович Астафичев, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

pavel-astafichev@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>

Аннотация:

Введение. Статья посвящена исследованию проблемы конституционно-правового содержания презумпции невиновности в доктринальном, законодательном и правоприменительном аспектах. На основе анализа практики Конституционного Суда Российской Федерации автор приходит к ряду выводов и обобщений, касающихся реализации конституционного принципа презумпции невиновности в российском публичном праве. Презумпция невиновности не имеет ничего общего со стремлением законодателя к освобождению действительно виновных лиц от юридической ответственности. При надлежащей доказанности вины лицо не избежит наказания, даже если оно откажется свидетельствовать против самого себя и свою вину не признает. Но вина должна быть доказана в надлежащей правовой процедуре: пользование ненадлежащими доказательствами, предвзятое отношение к обвиняемому в связи с его молчанием (уклонением от ответа на вопрос о признании вины) или отрицанием вины – обстоятельства, от которых непосредственно защищает ст. 49 Конституции Российской Федерации. Трактовка конституционно гарантируемой презумпции невиновности в противоположном смысле представляла бы дефект правосознания, нуждающийся в преодолении.

Методы. В работе применялся комплекс методов, которые выработаны и апробированы конституционно-правовой наукой, историей государства и права. Особенно активно использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения.

Результаты. Автор доказывает, что основное содержание (ядро) презумпции невиновности заключается в трех его фундаментальных компонентах: справедливом распределении бремени доказывания; установлении виновности компетентной инстанцией и на соответствующей стадии правоприменительного процесса; соблюдением надлежащей правовой процедуры при доказывании фактов и установлении юридически значимых обстоятельств. При исследовании конституционно-правового содержания презумпции невиновности актуализируется вопрос о соответствии естественному праву и здравому смыслу конкретных составов уголовных правонарушений, реально складывающейся практике уголовного преследования, защиты обвиняемых и уголовного наказания.

Ключевые слова:

конституционализм, права человека, презумпция невиновности, надлежащая правовая процедура, привилегия против самоизобличения, бремя доказывания, правосудие, прокуратура, следствие, полиция

Для цитирования:

Астафичев П. А. К вопросу о презумпции невиновности в российском публичном праве: взгляд конституционалиста // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 61–71. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-61-71>.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025;
одобрена после рецензирования 26.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

To the question of presumption of innocence in Russian public law: a constitutionalist's perspective

Pavel A. Astafichev, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

pavel-astafichev@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>

© Астафичев П. А., 2025

Abstract:

Introduction. The article focuses on examining the problem of constitutional and legal content of the presumption of innocence in doctrinal, legislative and law enforcement aspects. On the basis of the analysis of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation the author makes a few conclusions and generalisations concerning the implementation of the constitutional principle of presumption of innocence in the Russian public law. The presumption of innocence has nothing in common with the legislator's desire to exempt really guilty persons from legal liability. If the guilt is properly proved, a person cannot avoid punishment even if refusing to testify against him/herself and does not plead guilty. But the guilt must be proved in a proper legal procedure: the use of improper evidence, prejudice due to a defendant's keeping silent (avoiding answering the question about confessing guilt) or denial of guilt – these are the circumstances that Article 49 of the Constitution of the Russian Federation directly protects against. Interpretation of the constitutionally guaranteed presumption of innocence in the opposite regard would represent a defect in legal consciousness to be overcome.

Methods. The author applied a set of methods developed and tested by constitutional and legal science, history of the state and law. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical approach, method of comparative jurisprudence were particularly involved.

Results. The author proves that the main content (core) of the presumption of innocence lies in its three fundamental components: fair distribution of the burden of proof; establishment of guilt by a competent authority and at the appropriate stage of the law enforcement process; respect for proper legal procedure in proving facts and identifying legally relevant circumstances. When analysing the constitutional and legal content of the presumption of innocence, the issue of compliance of the actual practice of criminal prosecution, defence of the accused and criminal punishment with the natural law and common sense of specific corpus delicti of criminal offences is actualised.

Keywords:

constitutionalism, human rights, presumption of innocence, proper legal procedure, privilege against self-incrimination, burden of proof, justice, prosecution, investigation, police

For citation:

Astafichev P. A. To the question of presumption of innocence in Russian public law: a constitutionalist's perspective // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 61–71. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-61-71>.

The article was submitted March 31, 2025;
approved after reviewing May 26, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации¹, «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана» в предусмотренном законом порядке и «установлена вступившим в законную силу приговором суда»; «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность»; «неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого» [1, с. 67]. В развитие этих нормативных положений принята и действует ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ), согласно которой «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана» в предусмотренном УПК РФ порядке (конкретизация ст. 49 Конституции Российской Федерации, какой именно закон имеется в виду); «бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения»; «все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены» в порядке, установленном УПК РФ, «толкуются в пользу обвиняемого»; «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

Исходя из буквального смысла ст. 49 Конституции Российской Федерации, речь идет о преступлениях и гарантиях прав подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовно наказуемых деяний [2, с. 51]. Однако законодательство и правоприменительная практика расширяют действие презумпции невиновности, в частности, до уровня административно-деликтных правоотношений, о чем свидетельствуют нормативное содержание ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ (далее – КоАП РФ), практика Конституционного Суда Российской Федерации⁴; до сферы применения мер налоговой ответственности

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 14.02.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁴ Например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2024 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 24.5, части 5 статьи 28.2, пункта 4 части 1 статьи 29.4 и частей 1 и 2 статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В. В. Кашина» // СЗ РФ. 2024. № 42. Ст. 6296; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422 и др.

(ч. 6 ст. 108 Налогового кодекса Российской Федерации⁵). Эти и ряд иных обстоятельств свидетельствуют, что презумпция невиновности признана действующим российским правом как конституционный и межотраслевой принцип публичного права [3, с. 41], распространяющий свое действие, главным образом, на уголовные, административные и налоговые отношения [4, с. 109], включая их материально-правовое и особенно процессуальное регулирование [5, с. 149].

Методы

В работе применялся комплекс методов, которые выработаны и апробированы конституционно-правовой наукой, историей государства и права. Особенно активно использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения.

Результаты

1. Историко-правовые предпосылки конституционного и международно-правового регулирования презумпции невиновности

Зарождение презумпции невиновности в историко-правовой ретроспективе [6, с. 87] принято связывать с Дигестами Юстиниана (22.3.2), в которых было установлено общее правило доказывания *“ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat”* (доказывает тот, кто утверждает, а не тот, кто отрицает). В толковании данной латинской максимы следует учитывать содержание слов *“probatio”* (доказательства), *“dicit”* (говорить, утверждать), *“negat”* (отрицать). В приложении к публично-деликтному праву это основывается на презумпции, что подозреваемый или обвиняемый склонен при прочих равных условиях скорее отрицать, чем признавать свою вину. Если вина отрицается, бремя доказывания (*“probatio”*) возлагается на лицо, которое в судебном процессе осуществляет функцию обвинения (*“dicit”*). Отрицание в доказывании не нуждается (*“negat”*).

Непосредственную формулировку презумпции невиновности историко-правовая наука связывает с профессиональной деятельностью английского юриста Уильяма Гарроу (William Garrow), который в адвокатской речи в 1791 году в процессе в Old Bailey (Central Criminal Court of England and Wales) произнес фразу *“presumed innocent until proven guilty”* (обвиняемый предполагается невиновным, пока не будет доказана его вина). Из этого следует англоязычное происхождение современной юридической категории «презумпция невиновности» (*“presumption of innocence”* vs *“presumption of guilt”*). В английском языке глагол *“to presume”* (синонимы – *to assume, to suppose*), что означает «предполагать», «допускать», «подразумевать», формирует отглагольное существительное *“presumption”*, которое на современный русский юридический язык переводится как «презумпция».

Примечательно, что глагол *“to assume”* также имеет отглагольное существительное *“assumption”*; глаголу *“to suppose”* корреспондирует более адекватное в юридическом смысле слово *“supposition”* (предположение, гипотеза). Таким образом, современный термин «презумпция невиновности» во многом обязан персональным вкусам и лингвистическим предпочтениям сэра Уильяма Гарроу, который мог бы с тем же успехом ввести в будущий юридический оборот гипотетические термины *“assumption of innocence”* или *“supposition of innocence”*, которые в юриспруденции не прижились.

Начиная с 1791 года, презумпция невиновности проходит сложный путь от зарождения до всеобщего признания [7, с. 122]. Многие детали этого процесса современным исследователям неизвестны, однако следует особенно выделить такие его важные стадии, как: во-первых, институционализация до статуса обыкновения английской судебной практики правоприменения (в 1935 году британский суд при разбирательстве дела *“Woolmington vs Director of Public Prosecutions”* квалифицировал презумпцию невиновности как «золотую нить» (*“the golden thread”*) в «сети» уголовного права); во-вторых, экспансия до практической юриспруденции в зарубежных странах (первоначально во Франции и в США, затем в подавляющем большинстве государств, признающих ценности конституционализма); в-третьих, международно-правовое признание (ст. 11 Всеобщей декларации прав человека⁶, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах⁷) [8, с. 291].

⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 декабря.

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

Сегодня презумпция невиновности закреплена на конституционном уровне в Великобритании (*Human Right Act* от 1998 года⁸), в Бразилии (ст. 11 Конституции⁹), в Колумбии (ст. 29 Конституции¹⁰), во Франции (ст. 9 Декларации прав и свобод человека и гражданина¹¹), в Иране (ст. 37 Конституции¹²), в Италии (ст. 27 Конституции¹³), в Румынии (ст. 23 Конституции¹⁴), в Новой Зеландии (ст. 25 Конституции¹⁵) и др. Признает данный принцип и правовая система современной России, что особенно символично выражено в ст. 49 Конституции Российской Федерации от 1993 года. Презумпция невиновности в российской юриспруденции находит, по существу, безоговорочное подтверждение на уровне законодательного регулирования и в деятельности судебного конституционного контроля, хотя правоприменительная практика судов общей юрисдикции и функционирование ряда правоохранительных органов (полиции, следствия, прокуратуры) дают зачастую примеры весьма скептического к ней отношения.

2. Проблемы толкования конституционного принципа презумпции невиновности

Презумпция невиновности как конституционный и межотраслевой принцип публичного права России нуждается в адекватном истолковании [9, с. 22]. Анализ научной литературы, содержания законодательства и практики Конституционного Суда Российской Федерации показывает наличие весьма дифференцированных подходов [10, с. 110], построенных на основе методологии сужения или расширения содержания интерпретируемой категории права [11, с. 40]. Наиболее «узкий» вариант истолкования ограничивается теорией доказательств и распределением бремени доказывания (презумпция невиновности – это обязанность обвинения доказать виновность лица в инкриминируемом деянии; аналогично для иных видов публичного юрисдикционного процесса) [12, с. 7].

Далее, по мере расширения содержания интерпретируемого юридического термина, предмет действия презумпции невиновности охватывает новые сферы и области: значение и роль для процесса «царицы доказательств» (чистосердечное признание), стандарты доказательств (вне разумного сомнения, баланс вероятностей, неустранимые сомнения в виновности), привилегию против самоизобличения (право не свидетельствовать против себя и близких родственников), запрет использования противоправных доказательств (доктрина «плодов отравленного дерева»), право на очную ставку со свидетелями обвинения и их перекрестный допрос, право на квалифицированную юридическую помощь и т. д.

Действует также функционально-темпоральный фактор (с этой точки зрения презумпцию невиновности интерпретируют как состояние невиновности до вступления в законную силу обвинительного приговора суда). Наконец, наблюдаются случаи расширительного истолкования презумпции невиновности вплоть до ее отождествления (в приложении к публично-деликтным процессам и процедурам) с принципами верховенства права, связанности правом, справедливости, конституционности, законности, достоинства личности, гуманизма, равенства перед законом и судом [13, с. 234].

При подобных обстоятельствах вызывает интерес анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации, где данный орган публичной власти непосредственно высказался о конституционном содержании презумпции невиновности (как правило, в мотивировочных частях постановлений, определений и заключений). Это, конечно, полностью не разрешает научную проблему идентификации презумпции невиновности и выявления ее квалифицирующих признаков, но имеет важное ориентирующее значение для законодательства и правоприменительной практики (воля Конституционного Суда Российской Федерации, в отличие

⁸ Great Britain. Human Rights Act 1998 // Disability Rights UK : [сайт]. URL: <https://www.disabilityrightsuk.org/resources/human-rights-act-1998> (дата обращения: 14.02.2024).

⁹ Constitution of the Federal Republic of Brazil – 1988 // Ministério da Justiça e Segurança Pública : [сайт]. URL: <https://www.gov.br/cade/en/content-hubs/legislation/brazilian-constitution> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁰ Политическая Конституция Колумбии от 6 июля 1991 года // Мастерская конституционного дизайна : [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=2749> (дата обращения: 14.02.2024).

¹¹ Declaration of Human and Civic Rights Of 26 August 1789 // Conseil constitutionnel : [сайт]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/declaration-of-human-and-civic-rights-of-26-august-1789> (дата обращения: 14.02.2024).

¹² Конституция Исламской Республики Иран от 15 ноября 1979 г. // Мастерская конституционного дизайна : [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (дата обращения: 14.02.2024).

¹³ Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. // Там же. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=148> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁴ Конституция Румынии от 21 ноября 1991 // Там же. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=111> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁵ The Constitution of New Zealand (updated 2008 and 2017 and 2023) // New Zealand Government : [сайт]. URL: <https://gg.govt.nz/office-governor-general/roles-and-functions-governor-general/constitutional-role/constitution> (дата обращения: 14.02.2024).

от научной доктрины, имеет обязательную юридическую силу в позитивном праве, хотя многие суждения Суда, высказанные им в мотивировочной форме, имеют скорее доктринальную, чем правоприменительную природу).

Во многих постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации¹⁶ толкование презумпции невиновности поддерживает *ограничительную позицию в аспекте распределения бремени доказывания*, что, однако, осуществляется посредством воспроизведения Судом в его решениях конституционной формулировки ст. 49 Конституции Российской Федерации, из чего сложно сделать вообще какие-либо выводы теоретико-методологического характера. При этом в ряде случаев встречаются важные конкретизирующие установления: при недоказанности действий и основании суждения о наличии правонарушения лишь на предположении в силу презумпции невиновности считается доказанным факт несовершенства лицом преступного деяния¹⁷; если вина не установлена и не доказана – лицо считается невиновным¹⁸; презумпция невиновности диктует признание судом всех фактов, свидетельствующих в пользу обвиняемого, пока они не опровергнуты стороной обвинения в должной процессуальной форме¹⁹.

Дальнейший анализ практики российского конституционного правосудия свидетельствует об использовании Судом *метода расширительного толкования*. Так, в постановлении № 2-П от 18 января 2024 г. Конституционный Суд Российской Федерации связал в единой конструкции принципы презумпции невиновности и виновной ответственности (ответственности за вину)²⁰. Согласно позиции, выраженной Судом в постановлении № 33-П от 19 июня 2023 г., презумпция невиновности «входит в основное содержание (ядро) права на судебную защиту»²¹. Из материалов постановления № 5-П от 7 марта 2017 г. следует, что презумпция невиновности находится в неразрывной логической связи с законностью (подозрение или обвинение в совершении преступления могут основываться только на положениях уголовного закона, иначе нарушается презумпция невиновности)²². В постановлении № 17-П от 20 июля 2016 г. Конституционный Суд Российской Федерации расширил содержание ст. 49 Конституции Российской Федерации вплоть до охвата положений нормы ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации (запрет на использование недопустимых доказательств) и ст. 51 Конституции Российской Федерации (привилегия против самоизобличения)²³, причем в постановлении № 33-П от 17 декабря 2015 г. Суд подчеркнул недопустимость «фактического обесценивания» права не свидетельствовать против самого себя в правоприменительной практике по уголовным делам²⁴.

Данный расширительно-интерпретационный подход соответствует международно-правовому содержанию ст. 11 Всеобщей декларации прав человека²⁵ и ст. 14 Международного пакта

¹⁶ Например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2024 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4442; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Боголюбской» // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7405 и др.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2023 г. № 51-П «По делу о проверке конституционности пункта 9 части 3 статьи 82 Федерального закона „О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданки Я. Ю. Бычковой» // СЗ РФ. 2023. № 47. Ст. 8494.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» // СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2016 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона „О материальной ответственности военнослужащих“ в связи с жалобой гражданина Д. В. Батарагина» // СЗ РФ. 2016. № 47. Ст. 6723.

²⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2024 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке» // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 763.

²¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В. Г. Скотникова» // СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4846.

²² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера» // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1779.

²³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко» // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.

²⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других» // СЗ РФ. 2015. № 52 (ч. 1). Ст. 7682.

²⁵ Российская газета. 1998. 10 декабря.

о гражданских и политических правах²⁶, конституционно-правовому опыту ряда зарубежных стран. Содержание презумпции невиновности прежде всего предполагает конституционную гарантированность справедливого распределения бремени доказывания (*"burden of proof"*) [14, с. 15] по уголовным делам. Есть два принципиально важных факта, доказывание которых должно осуществляться обвинительной стороной: было ли совершено вменяемое преступление и был ли подсудимый тем лицом, которое его совершило. Но этим презумпция невиновности не исчерпывается. Большое значение имеет также отсутствие бремени доказывания в отношении фактов дела, которые свидетельствуют в пользу обвинения, из чего логически следует привилегия против самоизобличения (*"nemo tenetur se ibsem accusare"*) [15, с. 42].

Право не давать показания против самого себя и не представлять доказательства своей виновности – естественное конституционное право [16, с. 26] подозреваемого или обвиняемого, причем реализация данного права не должна использоваться против предполагаемого правонарушителя. Независимый и беспристрастный суд (будь то профессиональные судьи или суд с участием присяжных заседателей) осуществляет функцию *"trier of fact"* или *"finder of fact"*, т. е. не должен делать негативных выводов из того лишь обстоятельства, что обвиняемый находится под уголовным преследованием и присутствует в суде в этом качестве. Юридическое значение имеют только доказательства, которые представлены в суде в ходе состязательного процесса [17, с. 132], в котором стороны обвинения и защиты имеют отчасти неравные условия для доказывания своей позиции (в том смысле, что сторона защиты обладает преимуществом, чтобы не доказывать невиновность, которая имеет для суда статус *опровержимой презумпции*) [18, с. 7].

Именно опровержимость презумпции невиновности, пожалуй, – главный научный контраргумент в отношении скептической позиции ряда представителей правоохранительной системы по данному вопросу. Презумпция невиновности не имеет ничего общего со стремлением законодателя к освобождению действительно виновных лиц от юридической ответственности. При надлежащей доказанности вины лицо не избежит наказания, даже если оно откажется свидетельствовать против самого себя и свою вину не признает. Но вина должна быть доказана именно в надлежащей правовой процедуре: пользование «плодами отравленного дерева» (ненадлежащими доказательствами), предвзятое отношение к обвиняемому в связи с его молчанием (уклонением от ответа на вопрос о признании вины) или отрицанием вины – как раз те обстоятельства, от которых непосредственно защищает ст. 49 Конституции Российской Федерации. Трактовка конституционно гарантируемой презумпции невиновности в противоположном смысле представляла бы собой, на наш взгляд, дефект правосознания [19, с. 31], нуждающийся в преодолении.

Сторонники скептического направления могут возразить, что действительно виновному лицу следует прежде всего признать свою вину. Что это «честно» и «справедливо», что правоохранительная система не должна тратить силы и средства на сбор и обоснование доказательств, когда наблюдается состояние правовой определенности в главном вопросе – о вине предполагаемого правонарушителя (логика «царицы доказательств») [20, с. 22]. Хорошую иллюстрацию данной позиции дает фраза Глеба Жеглова в отечественном кинофильме «Место встречи изменить нельзя»: «Вор должен сидеть в тюрьме»²⁷.

Уголовно-процессуальный закон²⁸ (далее – УПК РФ) в современной России допускает такую процедуру, как вопрос обвиняемому, признает ли он себя виновным (ч. 2 ст. 273 УПК РФ). Данная процедура, взятая сама по себе, не противоречит презумпции невиновности. Но обвиняемый в силу конституционных гарантий и норм действующего законодательства вправе свободно и в своих интересах выбрать одно из трех юридически значимых действий: 1) признать свою вину; 2) не признавать своей вины; 3) отказаться отвечать на вопрос о виновности со ссылкой на статьи 49, 51 Конституции Российской Федерации (презумпция невиновности, привилегия против самоизобличения). Это – такое же гарантированное законом право субъекта правоотношений, как правомочие суда вынести обвинительный или оправдательный приговор подсудимому. Подчеркнем, что признание вины в силу действующего УПК РФ (ст. 77) все же имеет юридическое значение [21, с. 678] наряду с доказательствами по уголовному делу

²⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

²⁷ К слову, герой актера Владимира Высоцкого – не вполне позитивный персонаж, поскольку использует подтасованные улики, вынуждает правоохранительную систему пользоваться «плодами отравленного дерева» и допускает, по сути, сам преступление, за что действующим законодательством предусмотрена уголовная ответственность; в большей мере положительный персонаж – Владимир Шарапов, который символизирует зарождавшийся в послевоенном СССР правовой гуманизм.

²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

(обвиняемый вправе давать показания; признание обвиняемым вины «может быть положено в основу обвинения» при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств). Признание вины смягчает ответственность, в то время как отрицание вины не является отягчающим обстоятельством.

Факты признания вины подсудимыми часто наблюдаются в эмпирической действительности и мотивируются комплексом различных обстоятельств: стратегия защиты (с учетом совокупности имеющихся доказательств полагается бессмысленным отрицать факт преступления или совершения его данным лицом); незнание закона; непонимание сути уголовного процесса; притязание на смягчение ответственности в связи с признанием факта вины (вполне обоснованное ввиду действующего УК РФ); бравада представителей криминального сообщества или девиантных подростковых групп и т. п. Подобное процессуальное действие выглядит социально одобряемым в связи с содержанием ряда произведений классической художественной литературы, в которой воспиты участники судебного разбирательства (сравним героев Ф. М. Достоевского в книге «Преступление и наказание» и Т. Трайзера в романе «Американская трагедия»).

Обвиняемый вправе признать свою вину, в этом заключается его конституционное право. Но он не обязан этого делать, даже если действительно полагает себя виновным. В последнем случае, чтобы не оказаться лжесвидетелем (пусть и против самого себя), нравственные принципы обязывают, а закон гарантирует возможность хранения молчания [22, с. 120], уклонения от прямого ответа на поставленный вопрос. Не следует исключать вероятность добросовестного заблуждения (обвиняемый может ошибаться в самооценке виновности), самооговора, лжесвидетельства о виновности по разным причинам (например, «по совету» следователя, прокурора или адвоката; с целью взятия на себя чужой вины) [23, с. 158]. При этом следует учитывать, что стремление правонарушителя к несению уголовного наказания противостоит и его не следует смешивать с нравственным раскаянием и общественным покаянием, заглаживанием вины и добровольной компенсацией причиненного вреда.

Процессуальный интерес обвиняемого в уголовном процессе состоит в законном и обоснованном стремлении избежать уголовной ответственности или добиться смягчения наказания *юридическими средствами*, опираясь на помощь профессионального защитника-адвоката. Конституция и закон этому не препятствуют, но гарантируют мощнейшее средство противодействия – правоохранительную систему, одна из основных целей функционирования которой состоит в обратном: изобличении виновных, надлежащем доказывании их вины и привлечении в конечном итоге к соразмерной юридической ответственности строго на законных основаниях. Подчеркнем при этом, что инструментарий презумпции невиновности может послужить препятствием для того, чтобы стороне защиты добиться оправдательного приговора (если не подтверждать отрицательные факты, не заявлять спор о ничтожности доказательств и т. п.). Судьи не должны брать на себя функции защитника; мотивировка оправдательного приговора – сложная для судьи задача. В этом можно усматривать один из аргументов в пользу институционализации судов с участием присяжных заседателей.

3. Функционально-темпоральный аспект в содержании конституционного принципа презумпции невиновности

В силу презумпции невиновности предполагаемую вину правонарушителя следует не только *доказать*, но и *установить*. В этом проявляется функционально-темпоральный аспект исследуемой проблемы. В современном правовом государстве процессуальные функции обвинения, защиты и правосудия разделены, они осуществляются организационно обособленными субъектами правоотношений. Уголовный процесс представляет собой ряд стадий, последовательно сменяющих друг друга. Виновность лица может быть установлена только судом и лишь на стадии вступления обвинительного приговора в законную силу. Иные субъекты (полиция, следствие, прокуратура) правомочия «установления» виновности в уголовно-наказуемых деяниях лишены (они вправе лишь собирать факты, «подозревать» или «обвинять»; сбор доказательств сам по себе не дает оснований к окончательной юридической оценке деяния).

Но и судебная система уполномочена на законное опровержение презумпции невиновности только на определенной стадии уголовного процесса (вступление обвинительного приговора в законную силу). Таким образом одновременно проявляются функциональный (разделение функций обвинения, защиты и правосудия) и темпоральный (стадия уголовного процесса) факторы. В административно-юрисдикционном процессе наблюдаются аналогичные принципы, хотя и с рядом особенностей (разделение функций менее выражено, но именно орган или должностное лицо, уполномоченные на применение административного наказания, устанавливают

вину; законодательство об административных правонарушениях предусматривает ряд исключений из общего правила о презумпции невиновности, но лишь частично, в аспекте разграничения бремени доказывания, не затрагивая функционально-темпоральную сторону).

Конституционный Суд Российской Федерации²⁹ в связи с этим занял важную и заслуживающую внимания позицию: при определенных обстоятельствах (например, при автоматической фиксации правонарушений в сфере дорожного движения) презумпция невиновности действует частично, не полностью. С одной стороны, не применяется правило ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ³⁰ (отсутствие обязанности доказывать невиновность), с другой – сохраняют действие иные гарантии (ответственность за вину; лицо считается невиновным, пока вина не будет доказана и установлена; толкование неустранимых сомнений в пользу предполагаемого правонарушителя). Иными словами, корректировка правила о распределении бремени доказывания не свидетельствует о полном отрицании презумпции невиновности, особенно если учитывать функционально-темпоральный фактор.

Обстоятельства функционального и темпорального значения проявляются не только в вышеуказанном аспекте. Существенную проблему представляет отношение правовой системы к фактам и доказательствам, которые были выявлены полицией, следствием или прокуратурой, но не получили окончательной юридической оценки в силу незавершенности юрисдикционного процесса, законного «недоведения» его до судебной стадии [24, с. 27]. Конституционный Суд Российской Федерации многократно высказывался по этому поводу, включая проблемы административного и уголовного характера. Применительно к оценке конституционности законодательства об административных правонарушениях³¹ Суд установил, что если дело об административном правонарушении прекращено ввиду истечения сроков давности, лицо считается невиновным. Отказ государства от преследования за административное правонарушение не ставит под сомнение статус невиновного, поскольку отсутствуют законные основания к опровержению невиновности.

В отношении уголовных дел Конституционным Судом Российской Федерации³², в сущности, была занята аналогичная позиция: прекращение уголовного преследования не означает признания вины. Такие граждане приобретают конституционно-правовой статус лица, «привлекавшегося к участию в уголовном судопроизводстве ввиду выдвижения подозрения или обвинения». С точки зрения уголовно-правовых последствий, казалось бы, проблема выглядит разрешенной (лицо однозначно является невиновным в инкриминируемом преступлении). Однако законодательство и вслед за ним правоприменительная практика вводят ряд ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина на основании наличия указанного статуса, мотивируя это трансцендентными по отношению к уголовному праву, но имманентными в приложении к другим отраслям права и законодательства юридическими обстоятельствами [25, с. 131]. В частности, один лишь факт уголовного преследования и его прекращения по нереабилитирующим основаниям влечет за собой запрещение доступа к государственной службе правоохранительной направленности. Каким образом это следует оценивать с точки зрения конституционного содержания принципа презумпции невиновности?

Уникальность данной проблемы заключается в том, что она органически связана с институтами *“non bis in idem”* (недопустимость повторного наказания за одно и то же деяние, ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации), преюдиции (установления факта одним юрисдикционным субъектом достаточно, чтобы иной субъект в целях процессуальной экономии воздержался от повторных действий) [26, с. 36], с конституционным содержанием юридических принципов и их соотношением с отраслевым регулированием, но разрешение находит главным образом в толковании действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Различие между «реабилитирующими» и «нереабилитирующими» основаниями прекращения уголовного преследования заключается в том, подлежат или не подлежат применению

²⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2022 г. № 54-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Октябрьского районного суда города Екатеринбурга» // СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9756.

³⁰ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова» // СЗ РФ. 2009. № 27. Ст. 3382.

³² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 735.

меры реабилитационного характера, которые предусмотрены уголовным и уголовно-процессуальным регулированием [27, с. 48]. Обусловлено это тем, что подозрение или обвинение в преступлении, которые сами по себе не нарушают презумпцию невиновности, тем не менее имеют правовые последствия для предполагаемого правонарушителя, существенным образом ограничивая его конституционное право на достоинство (ст. 21 Конституции Российской Федерации). При одних обстоятельствах (прекращение уголовного преследования по реабилитирующим основаниям) достоинство личности поражается до такой степени, что необходимы компенсационно-восстановительные меры; при других (нереабилитирующие основания) для соответствующих мер восстановления в правах нет достаточных оснований [28, с. 203].

Институт реабилитирующих и нереабилитирующих оснований имеет сугубо уголовное и уголовно-процессуальное значение, ему не должен придаваться общеправовой смысл, поскольку юридические факты судом не установлены, имело место исключительно предположение, подозрение или обвинение. О преюдиции здесь, на наш взгляд, не может идти и речи (пока факты не установлены в надлежащей правовой процедуре), однако принцип *"non bis in idem"* в данном случае применению не подлежит (в частности, потерпевший вправе добиваться защиты своих прав и законных интересов посредством использования гражданско-процессуального, административно-процессуального и иных механизмов вне института уголовного преследования).

3 заключение

Таким образом, изучение практики российского конституционного правосудия показывает, что основное содержание (ядро) презумпции невиновности заключается в трех его фундаментальных компонентах: во-первых, справедливом распределении бремени доказывания, во-вторых, установлении виновности компетентной инстанцией и на соответствующей стадии правоприменительного процесса, в-третьих, соблюдением надлежащей правовой процедуры при доказывании фактов и установлении юридически значимых обстоятельств. Однако «основное содержание» или «ядро», как известно, не исчерпывают весь правовой контент, хотя они и предопределяют важные приоритеты в теории, законодательстве и правоприменительной деятельности. Анализ ряда постановлений, определений и заключений Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что в толковании презумпции невиновности Суд продвигается дальше, расширяя его юридический смысл³³.

При исследовании конституционно-правового содержания презумпции невиновности, в той или иной мере, актуализируется вопрос о соответствии естественному праву и здравому смыслу конкретных составов уголовных правонарушений, реально складывающейся практики уголовного преследования, защиты обвиняемых и уголовного наказания. Российская государственность, как и все без исключения зарубежные страны, формировалась в сложных и противоречивых условиях, которые весьма далеки от идеальной конструкции. Не следует преувеличивать и состояние защищенности правообладателей в России посредством инструментария презумпции невиновности.

Особенно яркие тому примеры дает ретроспективный анализ, изучение историко-правового опыта применения уголовно-правовой репрессии в РСФСР и в СССР. Так, Уголовный кодекс РСФСР от 1926 года давал основания для применения уголовного наказания не только за «свержение» или «подрыв», но и за «ослабление» власти³⁴. Изменой Родине считалось «бегство или перелет за границу». Если члены семьи военнослужащего знали о готовящемся побеге или перелете за границу, но не сообщили об этом властям, они объявлялись врагами трудящихся, лишались гражданства и подвергались изгнанию. Нарушение трудовой дисциплины при определенных обстоятельствах квалифицировалось как состав преступления. Уголовно наказуемыми объявлялись: «сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак»; «участие в выборах лица, не имеющего на то права»; «возбуждение суеверия в массах населения»; «бесхозяйственность»; «выпуск недоброкачественной продукции»; «заключение невыгодных сделок»; «неисполнение обязательств по договору»; «нарушение правил фото-кино-цензуры» и др.

³³ Например, в постановлении № 23-П от 16.07.2015 г. было установлено, что использование несоразмерных процессуальных ограничений, которые несопоставимы по степени тяжести с уголовным наказанием и, тем более, превышают его, нарушает презумпцию невиновности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей - седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4660).

³⁴ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

Привлечение к уголовной ответственности за эти и им подобные деяния, даже если соблюдают-ся правила о бремени доказывания и надлежащая правовая процедура, с трудом можно квали-фицировать как соблюдение презумпции невиновности.

С современных позиций не следует оценивать опыт наших предков исключительно в не-гативном ключе. Уголовный кодекс РСФСР от 1926 года принимался в условиях завершения пролетарской революции и гражданской войны, необходимости восстановления и развития на-родного хозяйства, обеспечения дальнейшего генезиса страны (хотя «искривления» и «переги-бы» в уголовно-правовой политике постреволюционного периода более чем очевидны). Тезис о необходимости соответствия уголовно-правового механизма естественному праву и здравому смыслу не следует толковать как нигилистический, особенно в условиях современности, когда действуют демократически ориентированная Конституция РФ от 1993 г., имеются гарантии за-щиты прав и законных интересов граждан посредством норм действующего законодательства, ввиду реализации компетенции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, всей судебной и правоохранительной системы.

В современной России правомерно действует и признается презумпция конституцион-ности уголовного законодательства, пока иное не будет установлено Конституционным Су-дом Российской Федерации. Это не означает, что нормотворческая деятельность современного российского парламента безупречна, что правообладатели лишены возможности при экстраор-динарных обстоятельствах обращаться к конституционному правосудию, если иные средства правовой защиты демонстрируют недостаточную эффективность. Во многих этих и им подоб-ных случаях правообладателям придет на помощь конституционная норма (ст. 49 Конституции Российской Федерации) о презумпции невиновности.

Список источников

1. Кравцова Е. В. Презумпция невиновности как основной конституционно-правовой принцип уголовного процесса // Вестник научных конференций. 2020. № 2-2 (54). С. 67–69.
2. Истиховская М. Д. Проблемы реализации конституционного права на презумпцию невиновности в публичных выступлениях должностных лиц при осуществлении уголовного судопроизводства // Образование. Наука. Научные ка-дры. 2020. № 1. С. 50–55. <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2020-10011>.
3. Мошарова А. С. Особенности реализации принципа презумпции невиновности в таможенном праве РФ // Пра-вовая позиция. 2024. № 2 (50). С. 41–44.
4. Омариева А. Н. Некоторые особенности реализации презумпции невиновности: отраслевой анализ // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 4. С. 109–116. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-109-116>.
5. Волкова И. В. Принцип презумпции невиновности в административном судопроизводстве и проблемы его реали-зации // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2 (194). С. 149–152. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_2_149.
6. Варанкина О. О. Генезис принципа презумпции невиновности: краткий обзор с правовой точки зрения // Меж-дународный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 9-2 (84). С. 87–90. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-9-2-87-90>.
7. Бурага В. А. Некоторые вопросы периодизации развития принципа презумпции невиновности в российском праве XVIII–XX вв. / Духовно-нравственные основания национального единения и согласия в праве : сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, г. Ростов-на-Дону, 1 ноября 2024 г. Ростов-на-Дону : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. С. 124–136.
8. Старчиков К. И. Проблемы применения презумпции невиновности в международном праве // Скиф. 2024. № 1 (89). С. 291–295.
9. Шахкелдов Ф. Презумпция невиновности обвиняемого и другие презумпции, используемые в уголовном судопроизводстве: соотношение и проблемы // Мировой судья. 2007. № 10. С. 22–25.
10. Печников Г. А. О зависимости принципа презумпции невиновности от типа уголовного процесса // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. № 5. С. 110–112.
11. Барабаш А. С. Очерк развития теории презумпции невиновности в России. Часть 3. Презумпция невиновности в наше время // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 5. С. 40–49. <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-5-40-49>.
12. Лазарева В. А., Кирьянов А. Ю. Цель и предмет доказывания по уголовному делу в свете презумпции невиновно-сти // Юридический аналитический журнал. 2010. № 1-2. С. 7–13.
13. Лысюк Ю. В. Презумпция невиновности как гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном производстве // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2014. № 1 (27). С. 234–235.
14. Ахметова Е. П. Предмет доказывания и бремя доказывания: взаимодействие и влияние на результат рассмотре-ния дела // Юридический факт. 2019. № 52. С. 15–17.
15. Илющенко Н. В. Принцип *nemo tenetur se ipse accusare*: сравнительно-правовой анализ // Вестник Москов-ского университета. Серия 11: Право. 2015. № 3. С. 42–49.
16. Пономаренко Е. В. Концепция естественного права в конституционно-правовой науке и естественные права и свободы человека // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 4. С. 26–29.
17. Садонисов Д. Принцип презумпции невиновности в состязательной и объективно-истинной моделях уголовно-го процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4. С. 132–137. [10.25724/VAMVD.EXYZ](https://doi.org/10.25724/VAMVD.EXYZ).
18. Борякин А. Д. Механизм опровержения правовой презумпции // Вопросы экономики и права. 2014. № 11 (77). С. 7–10.

19. Толстик В. А. Концепт нормального правосознания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 31–36. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-31-36>.
20. Клефьел М. Э., Потемкина Е. В. А. Я. Вышинский о доказательственном процессе в советском праве // Интер-наука. 2020. № 1-3 (130). С. 22–24.
21. Иваньшина А. Э. Стимулирование обвиняемого к добровольному признанию своей вины: проблема минимизации рисков // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 678–681.
22. Костенко К. А. «Правило Миранды» в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики правоприменения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 4 (10). С. 120–126.
23. Падва Г. П. Оговор и самооговор // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 1. С. 158–161.
24. Победкин А. В. Иллюзия презумпции невиновности (зачем нужен уголовный проступок) // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 27–30.
25. Ермакова А. О. Реализация принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного дела (уголовно-го преследования) по нереабилитирующим основаниям // Инновационная наука. 2019. № 4. С. 131–134.
26. Мирошниченко Д. В. О месте уголовной преюдиции в системе правовых преюдиций // Евразийская адвокатура. 2017. № 2. С. 36–38.
27. Вологина Е. В. Проблемы признания права на реабилитацию в уголовном процессе Российской Федерации // Форум. 2019. № 1 (18). С. 48–51.
28. Магомедов А. И. Основания возникновения прав на реабилитацию в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2022. № 4. С. 203–205. https://doi.org/10.56539/23120444_2022_4_203.